

МОДЕРНИЗАЦИЯ – ОБЩЕСТВО – БИЗНЕС

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ

О социальных акторах модернизации России

В статье представлен вариант оценки модернизационного потенциала одной из наиболее продвинутых групп российского делового сообщества. Материалом для анализа стало исследование инновационного, статусного, профессионального потенциала слушателей Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, обучающихся по программе *МВА*.

Ключевые слова: бизнес-группы, деловая среда, деловая культура, инновации, модернизация, статусные позиции.

In article the estimation variant of modernization potential of one of the most advanced groups of the Russian business community is presented. Research of innovative, status, professional potential of listeners of Academy of national economy and public service at the President of the Russian Federation trained under program MBA became a material for the analysis.

Keywords: business groups, the business environment, business culture, innovations, modernization, status positions.

Интенсивный процесс глобализации и модернизации мирового сообщества сопровождается изменением его структуры, поскольку разные страны неодинаково успешно встраиваются в формирующуюся систему. Небольшая группа стран-лидеров все сильнее вырывается вперед, концентрируя главные интеллектуальные ресурсы. Формируется и тяжеловесное разномасштабное “ядро” среднеразвитых стран, следующих за лидерами с большим или меньшим успехом. На периферии же мира остаются несовременные “развивающиеся” страны, не поспевающие за общим прогрессом. Выпадая из общего потока развития, они ставят свое будущее под вопрос.

Последнее, к сожалению, относится и к России, привычное отставание которой от США и стран ЕС по *уровню развития* дополняется в последние годы сильным отставанием от Индии и Китая по его *темпам* [Индекс... 2010]. Слабый и некачественный рост экономики, укоренение коррупции и организованной преступности, распад армии, разложение милиции, вырождение правосудия свидетельствуют о серьезном неблагополучии: Россия теряет свои позиции в мире. Значительная часть ее граждан понимает необходимость перегруппировки общественных сил, которая активизировала бы и привела к рулю управления конструктивные социальные силы, способные вытащить страну из засасывающего болота коррупции на путь современного технического, экономического и социального прогресса.

Именно эту цель хотелось бы видеть в призыве Президента РФ к модернизации страны, нашедшем отклик у большинства россиян. Слова “модернизация” и “инновации” постоянно звучат в дискуссиях ученых и политиков, мелькают в газетах,

в Интернете, на телевидении и радио. Но время идет, а принципиальных сдвигов в этом направлении не видно. До сих пор не сложилось единое понимание термина *модернизация*, не выделены основные направления желаемых перемен, за исключением обновления технологий. Нет общепринятого представления о том, *что* нужно и можно модернизировать в первую очередь, *кто, как и на какие средства* должен это делать, и какие *результаты* это должно принести (см. например, [Аузан, 2010; Иноземцев, 2009; Красильщиков, 2009; Как строить... 2008; Малева, Овчарова, 2010; Полтерович, 2008; 2010; Россия... 2010; Тамбовцев, Верведа, 2008; Ходорковский, 2009; Яковлев, 2007; Ясин, 2006] и др.). А тем временем в российском социуме продолжают старые и возникают новые негативные процессы.

Вопрос стоит остро: сможет ли Россия стать сильной современной страной, остаться активным субъектом мирового развития или ей суждено окончательно перейти в категорию развивающихся, а фактически – отстающих, кризисных стран? Второе явно противоречит интересам и национальной гордости россиян, однако такой вариант не менее реален, чем первый. Не случайно ни СМИ, ни общественные науки практически не распространяют реальный опыт модернизации экономики, не говоря об общественных отношениях и институтах. Признаки движения в эту сторону почти незаметны.

И дело не в нехватке человеческих и экономических ресурсов или в нежелании общества развиваться. Главный тормоз успешного сближения России с высокоразвитыми странами Запада – ее государственное устройство, в первую очередь – выстроенная в 2000-х гг. криминально-коррупционная властная “вертикаль”. Результатом ее функционирования стало перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к его консервативно-реакционной верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению. Тотальная коррумпированность “вертикали” власти, попрание важнейших демократических норм, девальвация права, огромный социокультурный разрыв между верхним и средним слоями общества, укоренение и воспроизводство самых опасных видов преступности в сочетании с неуправляемостью многих деструктивных процессов свидетельствуют, на мой взгляд, о сохраняющемся пока доминировании не конструктивных, а деструктивных общественных сил и процессов.

В этих условиях модернизация российского общества предполагает не только и не столько освоение новых технологий, сколько формирование сильной, компетентной, правовой и легитимной власти, способной к радикальной демократизации и укреплению основных общественных институтов. Коррупционно-семейная “вертикаль” власти несовместима с этими требованиями и действует в противоположном направлении. Понимая это, Президент РФ пытается делать реальные шаги в сторону демократизации власти. Но высокоресурсная правящая верхушка общества, заинтересованная в сохранении *status quo*, практически парализует эти попытки (см. [Аузан, 2006; Аузан, Золотов, 2008; Гудков, Дубин, 2007; Гудков, Дубин, Левада, 2007] и др.).

Для того чтобы серьезно обосновать, обсудить и реализовать программу *действительной* модернизации России, воли Президента РФ недостаточно. Он нуждается в конструктивной поддержке общества, прежде всего продвинутых, компетентных демократических сил, заинтересованных в возрождении и быстром развитии России. Но есть ли они сегодня в стране, и каково их соотношение с теми, кто заботится преимущественно о личном обогащении?

Социологические исследования показывают, что в России достаточно сил, заинтересованных в демократизации и успешном развитии общества, идейно противостоящих олигархии и бюрократии ([Дилигенский, 2002; Заславская, 2007^a; 2007^b; Заславская, Крылатых, Шабанова, 2007; Левин, 2006; Тюрин, 2006; Ходорковский, 2009; Тамбовцев, Верведа, 2008; Холодковский, 2005; Шабанова, 2007; 2008^a; 2008^b; Яковлев, 2007; 2008] и др.)¹. Но эти силы слабо организованы и в борьбе за свои права наталкиваются на жесткое сопротивление власть имущих, поэтому их реальное влияние невелико.

¹ Одним из ярких выразителей интересов этой части общества является “Новая газета” (NovayaGazeta.Ru), выходящая в девяти регионах России и в трех других странах тиражом 270 тыс. экземпляров и имеющая интернет-аудиорию в 318 тыс. человек, а также журнал “The New Times”.

В таких условиях трудно определить, на какие социальные группы, слои или общности могут в первую очередь опираться сторонники президента при разработке и реализации программы комплексной (то есть политической, социальной, экономической и технологической) модернизации российского общества. В связи с этим перед наукой стоит задача выяснить, какие социальные группы, общности и слои заинтересованы в демократическом преобразовании российского общества и в силу этого могли бы стать не только опорой, но и действующими *социальными акторами*, понимающими необходимость модернизационных реформ и настойчиво проводящими их в жизнь.

В данной статье предпринята попытка оценить модернизационный потенциал одной из наиболее продвинутых групп российского *делового* сообщества. Речь идет о предпринимателях и менеджерах, обучающихся по программам *MBA* в Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Научным коллективом под моим руководством проведены три волны социологического мониторинга (в 2004 г. – 1092 чел., 2006 г. – 1445 чел., 2008 г. – 1279 чел.)², результаты которых освещены в печати. Эти исследования показали, что изучаемая группа продвинутых бизнесменов при благоприятных институциональных условиях вполне могла бы стать одним из *социальных акторов*, способным действительно поддерживать политику модернизации экономических, социальных и политических институтов России. Данная статья основана на материалах опроса, проведенного в конце 2008 г. Ее задачи:

- показать, что изучаемая общность бизнесменов относится к *высшим стратам* социально-экономической структуры России и *авангарду* российского делового сообщества;

- оценить *человеческий и инновационный потенциал* этой общности; проанализировать жизненные ценности, интересы, установки и поведенческие модели ее представителей;

- раскрыть *внутреннюю структуру* изучаемого сообщества путем выделения групп с разным уровнем делового статуса, инновационным потенциалом и типом решаемых проблем;

- выявить *институциональные преграды*, мешающие передовому деловому сообществу активно участвовать в модернизации экономики и общества.

Статусные позиции изучаемой общности

Потенциал слушателей и выпускников программ *MBA* как возможных участников модернизации российской экономики и общества определяется сочетанием ряда важных статусных и ресурсных характеристик. Среди них – значительный демографический ресурс, высокий социально-экономический статус, прочные позиции в бизнес-сообществе, высшее техническое или экономическое образование, а также стремление непрерывно расширять и обновлять профессиональные знания, строить успешную деловую карьеру³.

Демографическая структура этой группы отличается сравнительной молодостью (четыре пятых моложе 35 лет); заметным преобладанием мужчин (две трети), относительной личной свободой (более трети не имеют брачных партнеров и у стольких же нет детей), а также широкой географией мест жительства (38% живут за пределами Московской области, в том числе 21% – далее 1 тыс. км от Москвы).

Экономические и социальные позиции респондентов, несмотря на их относительную молодость, достаточно высоки. Большинство (почти три пятых) оценивают свой *экономический статус* “выше среднего”, а оценки остальных примерно поровну делятся между “средним” и “высоким” статусами. Это резко выделяет изучаемую нами общность из основной массы населения, оценивающей свое материальное благосо-

² В ноябре–декабре 2010 г. прошла четвертая волна мониторинга слушателей программ *MBA*.

³ Примечательно, что около 60% респондентов считают полученное ими высшее образование слабым или недостаточно помогающим в их деловой деятельности.

Самооценки экономического и социального статусов
(в % к общей численности респондентов)

Экономический статус	Социальный статус (слой)			Итого
	средний	выше среднего	верхний	
Средний	19	3	1	23
Выше среднего	34	24	1	59
Высокий	6	9	3	18
Итого	59	36	5	100

стояние “ниже среднего”. Самооценки *социального* статуса, хотя и более скромны, но также весьма высоки⁴. Большинство слушателей (те же три пятых) относят себя к *среднему* слою, более трети – к слою “*выше среднего*”, а 5% – к *верхнему слою* и даже к *элите*. Общий *социально-экономический* статус слушателей можно определить, приняв во внимание обе его составляющие – экономическую и социальную. Соотношение полученных оценок по двум этим осям укрупненно показано в таблице 1, где группы с разным социально-экономическим статусом выделены разными шрифтами⁵.

При таком подходе социально-экономический статус 19% бизнесменов окажется *средним*, 37% – *несколько выше* среднего, 31% – *значительно выше* среднего и 13% – ближе к *высокому*. Такой социально-экономический статус выделяет изучаемую общность не только из всего населения страны, но и из ее делового сообщества. И удивляться этому не приходится: ведь более половины наших бизнесменов – топ-менеджеры, а более пятой части – собственники и совладельцы фирм. При этом свыше трети заняты в крупном и транснациональном бизнесе, более половины имеют свыше 10, а четверть – более 50 подчиненных.

Надежные и продвинутые общественные позиции респондентов подтверждаются достаточно высокими самооценками их делового и профессионального статуса. Две трети считают свой должностной статус “*вполне*” или “*скорее*” соответствующим своим личным возможностям и намерениям. Такая же доля респондентов оценивает свою заработную плату (доход) как “*вполне*” или “*скорее*” соответствующие их вкладу в деятельность фирмы, а 83% считают, что в процессе работы им удастся в *полной* или *достаточной* мере реализовать свои способности и знания. Примечательно и то, что собственную деловую деятельность за последние два–три года 64% слушателей считают достаточно успешной, а 7% – даже очень успешной. Недостаточно успешной ее признают лишь менее четверти бизнесменов. Следовательно, стимулом к прохождению большинством из них трудоемких и дорогостоящих программ *МВА* служит стремление развить достигнутый успех, ускорить и без того удачную карьеру, а не преодолеть неудачи. Этот вывод косвенно подтверждается анализом структуры их ценностей, интересов и установок.

Инновационный потенциал

Катализатором модернизационных процессов всегда служит человеческая энергия, инициативность, установки на достижения, концентрирующиеся в соответствующих

⁴ Соответствующие вопросы звучали так: 1) “Как бы вы оценили уровень благосостояния своей семьи? Отметьте, пожалуйста, свою оценку на 9-балльной шкале, где 1 балл означает *очень низкую*, а 9 баллов – *очень высокую* обеспеченность”; 2) “К какому слою общества вы себя относите?” (подсказки: элита, верхний слой, выше среднего, средний слой, ниже среднего, затрудняюсь ответить).

⁵ Оценки своего материального благосостояния 1–2 баллами рассматривались как показатель *низкого* экономического статуса, 3–4 баллами – *среднего*, 5–6 баллами – *выше среднего*, а 7–8 баллами – *высокого*. К *среднему* социальному слою прибавлены 2% слушателей, оценивших свой социальный статус “*ниже среднего*”, а к “*верхнему*” – те полпроцента респондентов, которые отнесли себя к “*элите*”.

социальных группах – субъектах инноваций. С этой точки зрения представляет интерес структура ценностных ориентаций и установок изучаемой нами общности. Самой общей ценностью, названной 64% ее представителей, является “самостоятельность, независимость, управление своей судьбой”. Это сильно отличает данную общность от большинства россиян, в трудовых ценностях которых достигательные мотивы представлены очень слабо. Так, по данным международных исследований, возможность чего-то достичь отметили как ценность 44% работающих россиян (против 67% в странах Большой семерки), выполнение ответственной работы – 20% против 53%, а возможность проявления инициативы – 24% против 54% [Магун, 2007]. Именно ориентация на самостоятельность, опору на свои силы как главную ценность позволяет рассматривать данную общность предпринимателей и менеджеров как важного *потенциального актора* модернизационных процессов.

К наиболее важным ценностям слушателей относятся также “высокие доходы, материальный достаток, благосостояние семьи” (54%), “семейное счастье, любовь, дети” (52%) и “деловой и профессиональный успех, удачная карьера” (47%). Две первые ценности можно рассматривать как важные предпосылки (или условия) реализации самостоятельности и независимости, а третью – как средство ее достижения.

Примечательно, что среди важнейших составляющих личного делового успеха 58–64% респондентов назвали восходящую карьеру, уверенно растущий личный доход и высокую конкурентоспособность на рынке труда. Общим вектором этих элементов успеха как раз и служит реализация их базовой ценности – расширения личной свободы и жизненных возможностей, самостоятельного управления своей судьбой. Вдвое реже, но достаточно часто (25–35%) к признакам делового успеха слушатели относят творческую вовлеченность в работу, участие в принятии ответственных решений, организацию собственного бизнеса, создание надежной эффективной команды.

А какие *деловые качества* эта группа бизнесменов находит наиболее важными в современных российских условиях для достижения успеха? И в какой степени эти качества развиты у них самих? Наибольшую важность они придают способности формировать эффективные команды (62%) и инновационному мышлению, постоянному поиску новых возможностей (56%). Современное же экономическое образование, умение работать с людьми, предпринимательская интуиция и опыт практической работы называются ими заметно реже (39–44%). При этом основная часть опрошенных (56%) считает, что инновационное мышление лично у них развито достаточно высоко (оценки “4” и “5” по 5-балльной шкале), и лишь каждый десятый признается в отсутствии у себя этого качества. А две трети слушателей рассчитывают, что обучение в АНХ даст дополнительный толчок развитию у них инновационного стратегического мышления.

Для более полной и объективной оценки установок изучаемой общности на *инновации* был сконструирован комплексный индекс. В его основе лежали ответы слушателей на вопросы об их деловых замыслах на ближайшие два–три года, а также их мнения о составляющих делового успеха; личных качествах, важных для его достижения, и первоочередных мерах государственной политики⁶. В зависимости от числа положительных ответов, индекс “общей установки респондента на инновации” колебался от 0 до 7. Распределение ответов оказалось близким к нормальному: ни одного “инновационного” ответа не дали 5% слушателей, а один–два – дали 39%. Большин-

⁶ Индекс “общей установки респондента на инновации” определяется как сумма выборов ответов, согласно которым:

– “успешная инновационная деятельность” и/или “творческая вовлеченность в работу, возможность самореализации” являются важнейшими составляющими *делового успеха*;

– “инновационное мышление, постоянный поиск и освоение новых возможностей”, “навыки пользования интернетом” и/или “владение информационными технологиями” представляются *самыми важными личными качествами для достижения успеха в бизнесе*;

– в ближайшие 2–3 года респондент ставит перед собой задачи “обеспечить фирме лидерские позиции в соответствующем секторе рынка” и/или “реализовать перспективный инновационный проект”;

– одной из *первоочередных мер государственной экономической политики* должна быть “действенная поддержка науки и высоких технологий”.

ство же (56%) дали от трех до семи “инновационных” ответов, в том числе 11% – пять и более⁷. В сочетании с активной установкой на дальнейшее развитие инновационного мышления это очень хороший результат.

А есть ли у наших респондентов реальные инновационные достижения? Ответ можно получить с помощью тех подсказок к вопросу о личных деловых достижениях за последние два–три года, которые прямо касаются инноваций. Это: “разработка и внедрение передовых технологий”, “освоение новых видов продукции и услуг”; а также “осуществление успешных организационных инноваций”. В общей сложности хотя бы одно такое достижение имели почти половина (47%) слушателей. Причем по мере усиления установки на инновации увеличивается частота реальных инновационных достижений. Так, среди тех, у кого эта установка слаба (0–2 балла), достижения имели 29%, у “середняков” (3–4 балла) – 50%, а у “инноваторов” (5–7 баллов) – 67%.

Все это говорит о том, что изучаемая общность предпринимателей и менеджеров не только убеждена в важности организационных, технологических и экономических новаций как фактора делового успеха, но и практически реализует их, несмотря на сложность институциональной среды современной России. Это позволяет рассматривать ее как одного из важных *социальных акторов*, способных организовывать и направлять модернизационный процесс.

Но в какой степени эта общность использует свой инновационный потенциал при действующих правилах игры? Заинтересована ли она в модернизации этих правил, иными словами – в обновлении экономических и политических институтов, становлении современных форм организации и управления бизнесом? Прежде, чем ответить на эти вопросы, рассмотрим вертикальный срез структуры изучаемой общности, так как возможности инновационной деятельности у разных профессионально-деловых групп разные.

Профессионально-деловая структура

Для оценки положения изучаемых бизнесменов в иерархии делового сообщества использовался *индекс делового статуса*, отражающий наличие следующих статусных достижений: 1) должность топ-менеджера не ниже заместителя директора фирмы; 2) наличие более 50 подчиненных; 3) занятость в крупном или транснациональном бизнесе; 4) статус собственника или совладельца фирмы. Как каждое из названных достижений, так и сумма всех более скромных деловых достижений оценивались в 1 балл.

Слушатели, не имевшие *ни одного* из перечисленных достижений (1 балл; 22% массива), представлены специалистами и менеджерами среднего звена, занятыми в малом или среднем бизнесе и имеющими мало подчиненных. Условно они названы “*начинающими*”. Добившиеся одного крупного статусного достижения (2 балла, 38%) образовали группу “*продвинутых*”. Примерно половина ее представлена менеджерами крупного и транснационального бизнеса, вторая же половина – собственниками, совладельцами и топ-менеджерами малого бизнеса. Чуть больше четверти (26%) слушателей, имеющие два статусных достижения (3 балла), отнесены к группе “*профессионалов*”. 86% из них – топ-менеджеры среднего бизнеса. Более половины имеют свыше 50 подчиненных, а 49% – собственники или совладельцы фирм. Наконец, 14% бизнесменов, имеющих не менее *трех* статусных достижений (4 балла), мы назвали “*бизнес-элитой*”. Это топ-менеджеры, собственники и совладельцы крупного и транснационального бизнеса (см. табл. 2).

Выделенные группы бизнесменов заметно различаются демографической структурой: женщин среди “*начинающих*” – 44%, среди “*продвинутых*” – 31, “*профессионалов*” – 26, а среди *бизнес-элиты* – всего 22%. Средний возраст изучаемых групп изменяется от 33 лет у “*начинающих*” до 38 лет у *бизнес-элиты*. Заметны различия и

⁷ Стоит отметить, что связь между самооценками инновационности мышления и более объективным “индексом установки на инновации” очень тесная.

Таблица 2

Статусный потенциал бизнес-групп
(% имеющих соответствующие достижения)

Группы бизнесменов	Деловые достижения					Всего
	базовые	дополнительные				
		топ-менеджер	занят в крупном бизнесе	свыше 50 подчиненных	собственник/совладелец фирмы	
“Начинающие”	100	0	0	0	0	100
“Продвинутые”	100	27	47	13	13	200
“Профессионалы”	100	80	32	46	42	300
“Бизнес-элита”	100	97	58	93	64	411
Все группы	100	204	137	152	119	

Таблица 3

Экономический и социальный статусы бизнес-групп (в %)

Самооценки	Бизнес-группы				Все группы
	начинающие	продвинутые	профессионалы	Бизнес-элита	
Экономический статус					
Средний	33	27	18	3	23
Выше среднего	57	56	60	65	58
Высокий	10	17	22	32	19
Социальный статус					
Ниже среднего	9	4	1	1	4
Средний	67	59	48	37	55
Выше среднего	21	33	47	52	36
Высокий	3	4	4	10	5

в местах жительства: за 1000 и более км от Москвы проживают (и обучаются заочно) 64% *бизнес-элиты* и 31% *“начинающих”*.

Особенности делового статуса предопределяют дифференциацию экономического и социального статусов этих групп (см. табл. 3). “*Бизнес-элита*” оценивает свое благосостояние как среднее в 10 раз реже, чем “*начинающие*”, а как высокое – втрое чаще. Еще больше разнятся самооценки социального статуса. К среднему слою себя относят 76% “*начинающих*” против 38% “*бизнес-элиты*”, а к слоям выше среднего и верхнему – соответственно, 24% против 62%. Уровень делового статуса во многом определяет социальное самочувствие бизнесменов. Так, полностью удовлетворены своим должностным статусом 46% “*бизнес-элиты*”, но только 16% “*начинающих*”, а “*скорее*” или “*совсем*” не удовлетворены – соответственно, 13 и 40%. Сходно выглядит и соотношение “*вполне довольных*” или “*скорее недовольных*” своей зарплатой (40% к 16% против 16% к 40%).

Из сказанного видно, что изучаемая общность бизнесменов представляет, хотя и верхнюю, но весьма значительную часть профессионально-деловой и социально-экономической “*вертикали*” делового сообщества. В связи с этим возникает вопрос,

какие *личностные* черты сближают и разделяют ее представителей в политическом и социокультурном пространствах?

Отвечу сразу: несмотря на существенные статусные различия, для всех бизнес групп, от “*начинающих*” до “*бизнес-элиты*”, характерен сходный менталитет, основу которого составляют общие жизненные ценности. Все слушатели, независимо от делового статуса, ответили на вопрос о ценностях почти одинаково. Наибольшее число голосов во всех группах собрала ценность “самостоятельности, независимости и управления своей судьбой” (от 63% в нижней до 69% в верхней группе). А следующие два места у всех групп заняли ценности “материального достатка, благосостояния семьи” (52–53%) и “семейного счастья, любви, детей” (49–56%).

Иначе обстоит дело с ценностью “делового и профессионального успеха, удачной карьеры”. В трех первых группах она занимает четвертое место с заметным отрывом от менее значимых ценностей, но доля назвавших ее снижается с 48% у “*начинающих*” до 36% у “*профессионалов*”. Представители же “*бизнес-элиты*”, отдав за нее те же 36% голосов, сочли более важными такие ценности, которые свойственны людям, удовлетворенным достигнутым статусом и стремящимся к материальному и духовному комфорту. Это “спокойная совесть, жизнь в соответствии со своими моральными нормами” (44%), “постоянное общение с друзьями” (40%), “авторитет, уважение окружающих” (38%). Ценность “делового успеха и успешной карьеры” у “*бизнес-элиты*” попала лишь на седьмое место. Но это “отклонение” не противоречит выводу, что, несмотря на значительные различия в деловом и социальном статусе, изучаемая деловая общность цементируется общей системой ценностей, соответственно – интересов, установок и норм поведения. Различаются, скорее, формы их выражения.

При переходе от начинающих к бизнес-элите изменяются как представления о компонентах делового успеха, так и оценки собственного успеха, достигнутого в последние два-три года. Но эти различия статистически незначимы. Интересно лишь то, что с повышением делового статуса доля бизнесменов, высоко ценящих *инновационное мышление*, постоянный поиск и освоение новых возможностей снижается с 61 до 46%, а доля считающих важным *владение инновационными технологиями* повышается с 14 до 19%. Оценки собственных деловых качеств от “начинающих” к бизнес-элите закономерно растут. Но разница между группами не очень заметна, так как большинство бизнесменов оценивают свои качества не абстрактно, а применительно к занимаемым позициям. Статистически незначимы и различия в спектре качеств, которые слушатели надеются обрести в результате обучения в Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Таким образом, перед нами высокообразованные и успешные представители национального делового сообщества, находящиеся на разных этапах своей карьеры. Руководствуясь общими ценностями и сходными установками, они стремятся и потенциально готовы участвовать в модернизации экономики в качестве дееспособных и заинтересованных акторов. В связи с этим возникают вопросы: как эти акторы взаимодействуют с современной институциональной средой? Удовлетворены ли они бюрократической “вертикальной власти”? Чувствуют ли себя полноправными участниками взаимодействия с нею или испытывают ее одностороннее давление? Доверяют ли власти или, скорее, опасаются ее враждебных действий? Способны ли к коллективным действиям, влияющим на власть? Какие социальные и экономические институты активизируют, а какие сдерживают их инновационную активность? В каких направлениях надо совершенствовать правила игры в бизнесе, чтобы модернизация набирала силу?

Восприятие современной деловой среды

Несмотря на ментальную установку изучаемой общности на инновационную деятельность, практическая реализация ее сравнительно слаба. Причем главным сдерживающим ее фактором служат сложившиеся правила игры власти и бизнеса. Отвечая на вопрос “Как бы вы оценили по 5-балльной шкале остроту следующих проблем в

отношениях бизнеса с властью в сфере вашей деятельности?”, слушатели наиболее критично оценили две тесно связанные проблемы: высокую коррумпированность госаппарата и невозможность избежать произвола чиновников. Каждую из этих проблем сочли *острой* и *очень острой* более половины бизнесменов, высказавших определенное мнение, а *малозначимой* – лишь пятая часть. И это не новость, ведь о системной коррупции в России написаны десятки, если не сотни томов (см., например, [Гуриев, 2007; Лунеев, 2007; Сатаров, 2007; Цуриков, Цуриков, 2007; Охотский, 2009; Смирнов, 2010^а; 2010^б] и др.). На необходимость решительной борьбы с ней постоянно указывают и Президент РФ, и премьер-министр, но воз практически не сдвигается с места.

Дело в том, что с *системным* злом можно справиться только *системными* средствами, в данном случае – бескомпромиссной очисткой государственного аппарата от взяточников и их пособников. Но в последние 10–15 лет коррупция приобрела в России невиданный размах. Она не только проникла во все щели, но, по сути, стала органической частью действующего хозяйственного механизма. Коррупция разъела все ветви власти и уровни госаппарата, так что справиться с ней возможно лишь чрезвычайными мерами, вплоть до возврата высшей меры наказания. Пока же попытки руководителей государства развернуть бескомпромиссную борьбу с коррупцией встречают сильнейшее сопротивление чиновников и, как правило, терпят неудачу. Глубокая коррумпированность “властной вертикали” обескровливает экономику, выкачивая из нее миллиарды долларов, уходящие в западные банки. В этих условиях и в принципе законопослушные бизнесмены не могут сопротивляться общим правилам игры и против воли вовлекаются в коррупцию (см. [Дегтярев, Маликов, Арапов, 2009; Григорьев, Овчинников, 2008; Полищук, Щетинин, Шестоперов, 2008; Сатаров, 2008; Смирнов, 2010^а; 2010^б] и др.).

Второе место по актуальности заняли такие проблемы, как неэффективная система налогов на бизнес, несправедливость отношений власти с бизнесом, а также слабая защита бизнеса правоохранительными органами. Их оценили как острые и очень острые 41–42% предпринимателей и менеджеров. Действительно, “плоская” шкала налогов, ставящая владельца газетного ларька в равное положение с нефтяным олигархом, препятствует развитию малого и среднего бизнеса, являющегося главным поставщиком инноваций. Почти такова же (38–40%) острота таких проблем, как непрозрачность и нестабильность правил игры, незащищенность частной собственности, слабая поддержка бизнеса региональными и местными властями. Особенно привлекает внимание тот факт, что приведенные оценки характерны для всех изучаемых групп, от “начинающих” – до “бизнес-элиты”.

Система российских законов и норм, регулирующих деловую деятельность, крайне сложна и противоречива, что позволяет чиновникам “ловить рыбу в мутной воде”. Лишь около трети респондентов (31%) “свободно ориентируются в действующих правилах игры и обычно сами находят выход из сложных ситуаций”. Большинство (56%) полагают, что они “в основном освоили действующие правила игры, но это не всегда помогает выходить из сложных ситуаций”. А 13% процентов считают, что им “пока трудно приспособиться к сложившимся отношениям в бизнесе, которые часто напоминают игру без правил”.

В динамике отношения бизнеса с властью, по оценке слушателей, скорее ухудшаются, чем улучшаются. В анкете содержался вопрос: «В какую сторону изменились “правила игры” государства с бизнесом в сфере вашей деятельности в последние два-три года?». Респондентам предлагалось выбрать для каждого типа правил один из ответов: “стало лучше”, “осталось так же” или “стало хуже”. Полученные ответы еще раз подтвердили, что самая тяжелая проблема бизнеса – коррупция. Попытки власти преодолеть коррумпированность госаппарата признали успешными всего 6% респондентов, в то время как 48% констатировали дальнейшее усиление коррупции. Повышение возможности избежать произвола чиновников отметили всего 9% респондентов, а уменьшение – 40%. Рост защищенности частной собственности от огосударствления ощутили 10% бизнесменов, а ее снижение – 37%. Сходно (11% к 32) соотношение

позитивных и негативных оценок динамики защищенности бизнеса правоохранительными органами. Особенно важно и характерно, что негативные тенденции в правилах игры государства с бизнесом все группы делового сообщества – от “*начинающих*” до “*бизнес-элиты*” – фиксируют одинаково часто. Некоторое улучшение зафиксировано только по отношению к условиям выхода бизнеса из “тени” (27% к 15%).

На вопрос “Как бизнесмены вашего круга чаще всего реагируют на ужесточение экономического законодательства и проявления бюрократического произвола?” решалось дать несколько ответов. В результате 67% предпринимателей и менеджеров ответили, что они в таких случаях ищут пути обхода новых правил в рамках правового поля; 39% – что соблюдают новые правовые нормы, опасаясь государственных санкций. Больше четверти опрошенных (27%) признались, что вступают в неформальные соглашения с чиновниками и контролерами, то есть идут по пути коррупции. 15% отказываются от длительных инвестиций в экономику, а 13% обзаводятся собственностью за рубежом и выводят капитал из России. Примерно такая же доля бизнесменов пытается опротестовывать действия власти через деловые ассоциации и союзы.

Наиболее активно реагируют на действия власти бизнесмены с более высоким статусом. Так, в неформальных отношениях с чиновниками вступают 37% представителей “*бизнес-элиты*” против 20–30% остальных. Опротестовывать действия власти пытаются 16% “*бизнес-элиты*” против 7% “*начинающих*”. А пути обхода неудобных правил ищут, соответственно, 70 и 65% названных групп.

При сохранении сложившихся тенденций “совершенствования” правил игры власти с бизнес-сообществом о модернизации экономики можно только мечтать. Не случайно опора проектируемой модернизации – Сколково – “с рождения” отделяется от остальной России особыми правилами игры. Но как крохотный островок не может помочь тонущей флотилии, так и маленькое элитное Сколково не может в одиночку поднять экономику огромной страны. Задача модернизации экономики адресована и посильна только *всему* деловому сообществу при мощной поддержке государственной власти. Если же творческий потенциал российского бизнеса будет и дальше расходоваться на преодоление коррупционно-бюрократических препятствий, то экономика России обречена на отставание не только от Запада, но и от Востока.

Чего же ждет от правительства авангард делового сообщества? Какие меры экономической политики он считает первоочередными? Наиболее массовое (59% голов) – требование реального содействия власти развитию малого и среднего бизнеса. На втором месте – поддержание государством стабильных правил игры с бизнесом, которое назвали 48%. Далее следуют действенная поддержка науки и высоких технологий (45%), борьба с коррупцией и экономической преступностью (42%), а также устранение неясности и противоречивости законодательной базы бизнеса (41%). Заметно меньше голосов набрали дальнейшее снижение налогов (34%), обеспечение независимости судов (30%) и стимулирование выхода бизнеса из тени (24%). Представители власти на словах поддерживают все эти меры, однако реальные тенденции, как показано выше, скорее противоположны.

Важную роль в преодолении этих тенденций могла бы сыграть деятельность ассоциаций, объединений и союзов предпринимателей, призванных отстаивать интересы бизнес-сообщества, но пока она развита слабо. Треть бизнесменов вообще не знакомы с деятельностью таких организаций, а те, кто с ними взаимодействовали, оценивают их полезность весьма невысоко: почти половина (49%) на 1–2 балла, 37% – на 3 и лишь 14% – на 4–5. И это не случайно – ведь действенную помощь от них за последние два–три года получили всего 4% респондентов.

Перспективы участия в модернизации

Деловому сообществу России пока далеко до роли равноправного партнера власти, а помогать ему бескорыстно, в силу своих обязанностей, власть пока не готова. Реальную помощь конкретным фирмам власть оказывает лишь избирательно и, как

правило, “непрозрачно”. Наше исследование показало, что авангард российского делового сообщества кровно заинтересован в модернизации экономики, внедрении не только технологических инноваций, но и новых форм организации производства, более эффективных отношений с партнерами и государством. Но сегодня бизнес не ощущает себя и действительно не является самостоятельным *актором* модернизации экономики, потому что она возможна только в условиях модернизации *общества и его политической системы*.

Становление современного бизнеса, как и современного общества, предполагает широкую свободу граждан, ограниченную понятными, легитимными, однозначно понимаемыми и неуклонно применяемыми законами. А это возможно только в условиях независимости трех ветвей власти. Пока же рука исполнительной власти сжимает горло правосудия, старинная российская пословица: “Закон – что дышло, куда поведешь, туда и вышло” остается в силе. О правовом государстве можно только мечтать, а живя по современным правилам игры, серьезно модернизировать экономику невозможно. В лучшем случае на изношенном зипуне страны будут поставлены две–три ярких заплатки типа Сколково.

Президент РФ, судя по его выступлениям, понимает важность и неотложность *комплексной модернизации* общества, отнюдь не сводящейся к технологическим инновациям. Но его убеждения и попытки реальных действий не находят отклик у коррумпированной и развращенной государственной бюрократии. Демократические и правовые реформы для нее – кость в горле, и она делает все, чтобы остановить любые действия в этом направлении. Президент и Правительство РФ опираются в первую очередь на коррумпированные бюрократические структуры, для которых демократизация власти и прозрачность экономики – смерть. Реальными действующими силами, или *актерами* политических и экономических перемен сегодня могут стать лишь демократически ориентированные общности, обладающие достаточными ресурсами. Они постепенно набирают силу, но их ресурсы пока ограничены. А местная, региональная и центральная власть их чаще преследует, чем поощряет.

Что же думает об этом передовое бизнес-сообщество, представители которого вскоре пополнят российскую бизнес-элиту? Готовы ли они вступить в открытую борьбу с коррупцией и поддержать демократические реформы? Прямого ответа на эти вопросы наше исследование не дает, но косвенно относящиеся к ним данные содержат. Так, слушателям программ *МВА* было предложено оценить свое доверие к основным государственным институтам по 5-балльной шкале (см. табл. 4). Наивысшую оценку получило Правительство РФ. Достаточное или высокое доверие к нему (4 или 5 баллов) выразили 27% бизнесменов, а недоверие (1 или 2 балла) – 29%. На втором месте – арбитражный суд (с той же медианой – в 3 балла). Оценки же всех остальных институтов не дотянули даже до тройки. Свое доверие к местной власти бизнесме-

Таблица 4

Уровень доверия предпринимателей и менеджеров (в % по строке)

Государственный институт	Баллы*					Всего	Медиана
	1	2	3	4	5		
Правительство РФ	8	21	44	22	5	100	3
Местные органы власти	14	37	35	12	2	100	2
Судебная система (без арбитражного суда)	21	33	34	10	2	100	2
Арбитражный суд	13	27	41	17	2	100	3
Милиция	33	35	27	4	1	100	2

*1 – совсем не доверяю, ... 5 – полностью доверяю.

ны оценили в среднем на 2,8 балла при 51% двоек и единиц. Иными словами, почти половина из них местной власти не доверяют. Еще ниже доверие к судебной системе (за исключением арбитражного суда) – 2,7 балла. И совсем позорное место занимает милиция, заработавшая 2,3 балла при соотношении позитивных и негативных оценок 5% к 68%.

Эти данные дают основания полагать, что большинство предпринимателей и менеджеров приветствовали бы антикоррупционные демократические реформы. Но готовы ли они активно добиваться таких реформ, используя свои экономические и политические ресурсы? Прямого вопроса об этом в анкете не было, но косвенно она позволяет судить о степени интереса бизнесменов к политике и структуре их политических ориентаций. Так, в числе семи своих важнейших ценностей (из 21 предложенной в анкете) “процветание России, достойную жизнь россиян” назвали 15% слушателей. Если учесть, что эта ценность оказалась важнее “богатства и престижной собственности”, “солидного капитала, позволяющего осуществлять крупные проекты”, а также “лидерства в деловой и других значимых сферах”, это совсем неплохой результат.

Что касается политических взглядов слушателей, то 20% из них не близка ни одна из семи предложенных в анкете идеологий, что, скорее всего, говорит об их аполитичности. Примечательно, что для остальных респондентов наиболее близкими оказались: *социал-демократическая* (около 40% во всех группах) и сходная с ней *умеренно-государственническая* идеология, набравшая от 15% у “начинающих” до 25% у “бизнес-элиты”. *Либеральная* идеология оказалась близкой лишь 13% слушателей (с колебаниями в группах от 8 до 16%). А за *авторитарно-силовую, национал-патриотическую и коммунистическую* идеологии высказались, соответственно, 1%, 1% и 3% слушателей.

Преобладающие политические ориентации отражают *реальные* интересы бизнесменов и носят устойчивый характер, об этом свидетельствуют данные предыдущих опросов слушателей программ *МВА*, проведенных в 2004 и 2006 гг. С точки зрения возможных демократических реформ, они достаточно перспективны. Но чтобы авангард *делового* сообщества стал ощутимой *политической* силой, желательно создание партии или хотя бы сильного общественного движения, выражающего жизненные интересы бизнеса и способного активно бороться с теми силами, которые препятствуют как поступательному развитию экономики, так и становлению правового демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А.А. Модернизация как проблема: в поисках национальной формулы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7.

Аузан А. О царях, “опчестве” и авторитарной модернизации // Неприкосновенный запас. 2006. № 6.

Аузан А., Золотов А. Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. 2008. № 1.

Григорьев Л., Овчинников М. Коррупция как препятствие модернизации // Вопросы экономики. 2008. № 2.

Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли “элиты” // Pro et Contra. 2007. Май–июнь.

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема “элиты” в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.

Гуриев С. Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // Вопросы экономики. 2007. № 1.

Дегтярев А., Маликов Р., Арапов В. Российский бизнес в условиях “экономики отката” // Общество и экономика. 2009. № 3.

Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М., 2002.

Заславская Т.И. Трансформационный потенциал российского общества // Заславская Т.И. Избранное. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007^а.

- Заславская Т.И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Заславская Т.И.* Избранное. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007^б.
- Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А.* Новое поколение деловых людей России. М., 2007.
- Индекс трансформации Фонда Бертельсмана. 2010 М., 2010.
- Иноземцев В.Л.* Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М., 2009.
- Как строить модернизационную стратегию России? Публичное обсуждение идей сетевого экспертного проекта СИГМА 14 февраля 2008 (<http://www.polit.ru/lectures/2008/03/18/sigma.html>).
- Красильщиков В.А.* Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М., 2009.
- Левин И.* Средний класс, малый бизнес и власть (К некоторым злободневным идеям Г. Дилигенского) // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 8.
- Лунеев В.В.* Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11.
- Магун В.С.* Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3.
- Малева Т.М., Овчарова Л.Н.* Социальная модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13.
- Охотский Е.В.* Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9.
- Полищук Л., Щетинин О., Шестоперов О.* Посредники между частным сектором и государством: содействие бизнесу или соучастие в коррупции? // Вопросы экономики. 2008. № 3.
- Полтерович В.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.
- Полтерович В.М.* Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. М., 2010.
- Сатаров Г.* Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1.
- Сатаров Г.А.* Установка респондентов и коррупция // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Смирнов Н.* Институциональная природа коррупции // Общество и экономика. 2010^б. № 2.
- Смирнов Н.* О регулировании экономики в условиях коррупции // Общество и экономика. 2010^а. № 5.
- Тамбовцев В., Вербедя А.* Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. 2008. № 1.
- Тюрин Г.* Корпорации, социальный капитал и модернизация страны // Неприкосновенный запас. 2006. № 4.
- Ходорковский М.* Поколение М // Ведомости. 2009. 21 октября
- Холодковский К. Г.Г.* Дилигенский об опыте постсоветских преобразований // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12.
- Цуриков А., Цуриков В.* Экономический подход к анализу корыстных преступлений // Вопросы экономики. 2007. № 1.
- Шабанова М.А.* Российский бизнес на пути к более цивилизованному? Статья 1. Новое поколение деловых людей в контексте взаимодействий с властью // Общественные науки и современность. 2008^а. № 5;
- Шабанова М.А.* Российский бизнес на пути к более цивилизованному? Статья 2. Новое поколение деловых людей во взаимодействии с бизнесом и обществом // Общественные науки и современность. 2008^б. № 6.
- Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы: адаптационное и протестное поведение в противоправной бизнес-среде // Социологические исследования. 2007. № 10.
- Яковлев А.А.* Агенты модернизации. М., 2007.
- Яковлев А.А.* Правовые институты в России в 2000–2007 годах: взгляд со стороны бизнеса // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
- Ясин Е.* Государство и экономика на этапе модернизации // Вопросы экономики. 2006. № 4.